

Подумав об этом, Су Чэнь переменялся в лице, в упор глядя на собеседника, и холодно произнёс:

— Раз уж я не умер, то как по-твоему, кто теперь должен оказаться в беде?

Губы Сок Наньсина задрожали, а лицо постепенно побледнело.

Су Чэнь подлил масла в огонь.

— Сок Наньсин, неужели перед тем, как совершить задуманное, ты даже не подумал о том, чем всё закончится в случае провада?

— Это не я! — Сок Наньсин чуть не подскочил на месте. На его лице не осталось ни кровинки, а тело дрожало, как осенний лист на ветру. И всё же он упрямо пытался держаться, когда на него внезапно устремился пронзительный взгляд Су Чэня, ставший последней каплей.

— Небесная паучья лоза, — глядя Сок Наньсину в глаза, по словам произнёс Су Чэнь.

Сок Наньсин недоверчиво вытаращил глаза, его тело обмякло, и он без сил осел на землю. Прошло немало времени, прежде чем Сок Наньсин поднял побледневшее лицо на Су Чэня и дрожащим голосом спросил:

— Т-ты... откуда ты знаешь?

Небесная паучья лоза не относилась к числу распространенных лекарственных трав. Её сок обладал сильнейшим нейропаралитическим действием, заставляя человека в считанные мгновения впасть в бессознательное состояние, из которого без посторонней помощи обычно невозможно было выйти.

Когда Су Чэнь узнал в сети о свойствах небесной паучьей лозы, он быстро связал их с тем недавним обмороком в пещере. К тому же, хотя трава эта встречалась редко, добыть её труда не составляло, поэтому он лишь предположил, что Сок Наньсин использовал её сок, а теперь решил взять его на испуг — и, как оказалось, не прогадал.

— Тебя не должно волновать, откуда я это знаю. Раз уж я вернулся живым, то, разумеется, не позволю тем, кто желал мне зла, жить спокойно.

Сказав это, Су Чэнь вернулся в свою комнату.

На сегодня слов было сказано более чем достаточно. Наживка заброшена, так какие же рыбы клюнут на неё?

В тот самый миг, когда дверь закрылась, Су Чэнь опустил ресницы, и все эмоции мгновенно исчезли с его лица.

Прошло еще несколько дней. В кампусе царило полное затишье, зато Сок Наньсин, казалось, круглые сутки жил в страхе, и от этого быстро осунулся и сдал. Су Чэнь же, напротив, чувствовал себя весьма вольготно. Еще несколько дней назад он попросил у Су Цина денег и приобрел квантовый мозг — хотя личный терминал тоже позволял выходить в сеть, его возможности всё же были ограничены. К тому же многое из того, чем собирался заняться Су Чэнь в будущем, не предназначалось для чужих глаз, так что о защите личной конфиденциальности приходилось заботиться особо.

Благодаря сотням прожитых ранее жизней, Су Чэню потребовалось совсем немного времени, чтобы разобраться в архитектуре здешней сети. Затем он написал программу, сделав доступ к межзвёздной сети односторонним: то есть он мог свободно посещать её просторы, но ни один терминал в сети не мог получить доступ к информации о нём, и даже следы его визитов не подлежали отслеживанию.

Теперь Су Чэнь мог без всяких опасений проводить эксперименты. Разблокировав несколько теневых торговых сайтов, он раздобыл массу знаний о лекарственных травах, а также запрещенные рецептуры, включая ингибитор феромонов.

Су Чэнь с жаждой впитывал знания и, используя более доступные и дешевые ингредиенты, успешно сварил несколько видов зелий, выставив их на продажу на тех самых теневых сайтах.

Федеральные законы гласили, что никто, кроме лиц, получивших официальное звание фармацевта, не имеет права продавать зелья от собственного имени, а нарушителям грозили штрафы и судебные преследования. Однако этот закон запрещал лишь открытую незаконную торговлю, а на черном рынке и в повсеместной виртуальной межзвездной сети данное правило полностью теряло силу.

Су Чэню было неудобно отправляться на черный рынок, поэтому оставалось действовать исключительно через виртуальные сделки. А поскольку он не обладал никакой известностью, оба выставленных им зелья продавались наборами, причем покупателям разрешалось сначала попробовать товар и лишь потом платить.

К тому моменту, когда Су Чэнь получил на счет прибыль от первой успешной сделки, прошел ровно месяц. Завтра в школе наступал ежемесячный трехдневный выходной.

Су Чэнь размял руки и ноги и вышел из комнаты, которую не покидал уже несколько дней. Правила позволяли студентам не посещать аудитории: если ученик мог ответить на вопросы преподавателя и набрать на ежемесячном тестировании не менее 85% правильных ответов, это всё равно засчитывалось как стопроцентная посещаемость, и баллы за семестр не сгорали. Правда, студентов, способных выполнить оба условия, находилось немного, а на фармацевтическом факультете их можно было пересчитать по пальцам, поскольку здешние ежемесячные тесты славились огромными объемами сухой и нудной зубрежки.

Какими бы ни были другие способности Су Чэня, памятью он обладал не хуже, чем у имевшегося у него квантового мозга, и подобное испытание, разумеется, было для него сущим пустяком.

Поскольку в последнее время он питался исключительно питательными смесями, Су Чэнь решил отправиться в столовую и побаловать свой желудок.

Только он подошел ко входу в столовую и собрался войти, как услышал, что кто-то позади окликает его по имени.

— Су Чэнь.

Су Чэнь зашагал медленнее и неторопливо обернулся. Из большой толпы людей он узнал лишь Сок Наньсина.

Впереди стоял юноша лет пятнадцати-шестнадцати. Красивый лицом, он смотрел на окружающих с некоторой робкостью, легко вызывая в других желание защитить его, и сейчас глядел на Су Чэня влажными оленьими глазами.— Су Чэнь, я слышал, на последнем

практическом занятии с тобой произошёл несчастный случай. Сейчас всё в порядке?

Рядом с юношей стоял высокий мужчина. Он обнимал его за плечи и смотрел на него с нескрываемой нежностью.

Не успел Су Чэнь ответить, как окружавшие юношу люди наперебой заговорили:

— Ах, Сяо Ло, ты слишком добр! Такой человек совсем не заслуживает сочувствия. Кто знает, может, он специально спрятался, чтобы вильнуть от практических работ?

— Вот именно! Было же уже такое: не успел вовремя найти нужные преподавателю травяные ингредиенты и притворился больным. А когда его привели в медпункт, сразу же раскусили! Наверняка и в этот раз всё то же самое.

Под эти выкрики вокруг собиралось всё больше зевак. Взгляды некоторых, обращённые на Су Чэня, стали подозрительными, а кое-кто даже с полной уверенностью заявлял, будто собственными глазами видел, как тот симулировал болезнь.

Пока вокруг гудела толпа, выражение лица Су Чэня оставалось невозмутимым. Он некоторое время пристально смотрел на юношу, затем скользнул взглядом по сжавшемуся позади него Сун Наньсину и слегка изогнул губы в ухмылке.

То-то весь этот месяц стояла такая тишина — оказывается, меня поджидали здесь. Надо же, целых тридцать дней смогли протерпеть, прежде чем выскочить.

Впрочем, тут Су Чэнь их недооценил. Все эти тридцать дней он практически не вылезал из общежития, так что любые их козни были обречены на провал. Но стоило ему сегодня наконец выйти и сделать пару шагов к столовой, как давно поджидавшие его тут же преградили путь.

Глядя на юношу, Су Чэнь решил первым делом прояснить вопрос, который волновал его больше всего. С максимально искренним видом он спросил:

— Простите, а вы вообще кто?

От этого вопроса вокруг мгновенно воцарилась тишина. Лицо юноши дёрнулось, он едва удерживал хрупкое, незащитное выражение. Не зная, что в этом теле уже находится совершенно другая душа, он, конечно же, решил, что Су Чэнь нарочно пытается его унижить.

Выражение лица юноши мгновенно изменилось, глаза наполнились слезами, и стоящий рядом мужчина тут же прижал его к себе, принимаясь утешать. До этого он смотрел только на юношу и совсем не обращал внимания на Су Чэня, но теперь, увидав, что тот довёл его спутника до слёз одной лишь фразой, мужчина мрачно и недовольно взглянул на обидчика... и опешил. Стоит признать, в этой жизни у Су Чэня была поистине великолепная внешность. В

пору юношеского взросления его фигура вытянулась — стала стройной, но не хрупкой, а кожа оказалась белее чистейшего молока. В сочетании с тонкими чертами лица среди толпы омег, привыкших щедро малевать лица белилами и румянами — если выразиться словами самого парня в тот момент, — он выглядел до того свежо и отрешенно от мирской суеты, будто не касался земной пыли. Стоило юноше в его объятиях сравнить себя с Су Чэнем, как он тут же поблек, превратившись из сияющей луны в жалкий светлячок, чье сияние полностью угасло. Из-за этого гневное выражение на лице мужчины сразу же заметно смягчилось.

— Су Чэнь, Гуань Ло — твой брат, как-никак. Разве так подобает разговаривать с собственным братом?

Су Чэнь слегка широко распахнул глаза. Раньше он гадал, кем может быть этот человек, но из-за отсутствия информации о так называемом отце даже не думал в ту сторону. Кто бы мог подумать, что всё же не обойдется без столь избитого сюжетного поворота.

Впрочем, так даже лучше. Заметив промелькнувшее в глазах Гуань Ло невольное выражение мрачной злобы, Су Чэнь лишь сильнее уверился, что на этот раз небеса на его стороне. А раз так, он просто не имеет права пренебрегать столь щедрым подарком судьбы.

Су Чэнь прямо уставился на юношу и произнес:

— Мое происшествие должно было исполнить твоё заветное желание. Теперь же я цел и невредим — разве ты не должен разочароваться и опечалиться? — Помолчав, он добавил: — Не нужно держать печаль в себе.

Гуань Ло наконец не смог удержать лицо: он с отвращением посмотрел на Су Чэня, а затем услышал, как тот продолжил тем же спокойным голосом, из-за чего у юноши защемило в груди, но выплеснуть гнев он никак не мог:

— К тому же, моя фамилия — Су, а твоя — Гуань. Фамилии у нас разные, не стоит придумывать родство.

Собираясь устроить взбучку, Гуань Ло подавился словами из-за совершенно непредсказуемой речи Су Чэня. Его грудь тяжело вздымалась, а во взгляде, устремленном на Су Чэня, уже читалась лютая злоба. Су Чэнь же совершенно не обращал на это внимания. Сказав всё, что хотел, он развернулся и вошел в столовую, где набрал столько еды, что поднос оказался забит до отказа. Разобравшись с одним делом, он чувствовал прекрасный аппетит.

Ему не требовалось разоблачать злоумышленника и доказывать, кто именно пытался ему навредить, как не нужно было и выискивать, какие еще козыри припас противник, чтобы заранее выстраивать защиту. Всё, что от него требовалось — лишь подтолкнуть тех, кто желал ему зла, к более быстрым действиям и дать всем вокруг понять: он прекрасно знает, что на него покушались, и знает, кто за этим стоит.

Этого было достаточно.

Су Чэнь и Гуань Ло: омега-алхимик и генерал-альфа.

Столкновение Су Чэня и Гуань Ло в тот день привлекло внимание немногих, однако те, кому положено было знать, уже были в курсе.

На следующий день, перед тем как студенты разъехались из школы, среди учащихся поползли слухи.

Якобы Су Чэнь украл из школьного хранилища лекарственные травы и занимался алхимией тайком, а в прошлый раз отбился от класса и пропал на несколько дней вовсе не из-за чего-то иного, а потому, что неправильно обратился с ингредиентами и потерял сознание. Школьный врач, проверявший Су Чэня в прошлый раз, тоже вышел вперед и подтвердил: в крови Су Чэня действительно обнаружены некие вещества, вызывающие обморок, причем, судя по анализу, это с высокой долей вероятности небесная паутиная лиана.

Только богам было известно, откуда взяться крови для анализов, если в тот день его осматривали обычным сканером, не уронив с него ни единой чешуйки кожи?

Тем более что обвинение прямо указывало на самого Су Чэня, якобы похитившего лиану. Если бы он теперь стал утверждать, что кто-то пытался отравить его этой лианой, со стороны это выглядело бы лишь жалкими оправданиями.

Кража лекарственных трав, да еще таких небезопасных, как небесная паутиная лиана — дело серьезное, масштаб которого зависел от обстоятельств. И Су Чэня, без всяких сомнений, оставили в учебном заведении под предлогом содействия расследованию.

Сначала его допросил классный руководитель, затем — преподаватели из дисциплинарного отдела. Сам же Су Чэнь от начала и до конца произнес лишь одну фразу:

— Кто на меня указал? Я хочу посмотреть ему в глаза.

Школе в конце концов пришлось уступить и привести к нему Гуань Ло. Увидев Су Чэня, юноша тут же изобразил жалобное выражение лица — на грани слез, — посмотрел на него с жалкой мольбой и произнес:

— Су Чэнь, прости... Я не знал, что ты взял небесную паутинную лиану для собственных опытов с лекарствами, и подумал, что ты забрал ее по поручению учителя.

При этом из его глаз катились слезы: казалось, он чувствовал себя невероятно виноватым и расстроенным из-за того, что якобы по собственной неосторожности сболтнул лишнего и навлек на Су Чэня школьное разбирательство. Присутствовавшие при этом учителя наперебой бросились утешать парня, находя его донельзя добрым и мягкосердечным.

Су Чэнь молчал, лишь спокойно наблюдая за этим представлением. До вчерашнего дня он даже не слышал о таком человеке, как Гуань Ло, но после инцидента у столовой он уже не мог оставить без внимания неприятности, которые сами шли к нему в руки. Поэтому он полностью перерыл всю информацию о нем, заодно освежив в памяти правду о собственном происхождении.

Пока Гуань Ло, изливая раскаяние, по сотому кругу повторял одни и те же слова, а его слезы почти иссякли, Су Чэнь наконец заговорил, холодно и равнодушно:

— Гуань Ло, неужели мое существование настолько мозолит тебе глаза, что ты раз за разом подставляешь меня, желая сжить со свету?

Когда Су Чэнь умолк, в комнате стало тихо настолько, что был слышен звук падающей иголки. Гуань Ло замер на полуслове, а слезинка, застрявшая на ресницах, придавала ему поистине жалкий вид.

— Твой отец ради власти бросил законного спутника жизни, с которым делил все тяготы, и женился вновь. Мужчина, столь легко прерывающий семейные узы, бесчувственный, бездушный и черствый — с чего ты вдруг решил, что меня волнует статус его сына и что я стану претендовать на твою долю влияния в семье Гуань?

После этих слов замерли не только голоса — на мгновение прекратилось даже дыхание.

Ведь тот самый «предавший семью, бездушный и черствый» мужчина, о котором говорил Су Чэнь, вовсе не был заурядным человеком. Он являлся депутатом Федерального парламента — человеком, в чьих руках сосредоточена огромная власть. Пожалуй, по степени влияния он уступал лишь главнокомандующему вооруженными силами Федерации, главе администрации и председателю Федерального парламента.

Отношения Су Чэня и Гуань Ло не были секретом в школе, однако все считали его внебрачным сыном Гуань Цинтяня, поскольку нынешняя жена последнего приходилась дочерью председателю парламента.

Когда Гуань Цинтянь развелся с Су Цином, Су Чэнь был еще совсем младенцем. Гуань Цинтянь использовал свои связи, чтобы стереть сам факт их законного брака с Су Цином, а тот по неизвестным причинам хранил молчание до сих пор.

В нынешнем обществе развод считался постыдным поступком, особенно если альфа бросал омега, родившегося с ним детей — такого человека заплевывали бы презрением, и это стало бы жирным пятном на его политической карьере. Именно руководствуясь этими соображениями, Гуань Цинтянь и провернул развод с Су Цином в тайне.

Теперь же Су Чэнь вывалил все это на суд стольких людей. Верили они услышанному или нет, но это неизбежно вызовет мощный резонанс.

После слов Су Чэня присутствующие были готовы провалиться сквозь землю, лишь бы не слышать этого. Знай они заранее, что банальная пропажа лекарственных трав обернется грязными секретами высшего света, они бы ни за что не стали ввязываться в расследование этой проклятой небесной паутинной лианы, будь они хоть трижды пресыщены жизнью.

Гуань Ло тоже остолбенел от прямооты и дерзости Су Чэня. Раньше тот никогда не шел наперекор устоям — с чего бы ему после нескольких дней исчезновения вести себя так, будто он заново родился, и обрести столь безумную смелость?

Он посмел критиковать и поносить даже отца-депутата?!

Разумеется, сам Гуань Ло ни единому слову Су Чэня не верил, полагая, что тот просто бесится из-за своего положения незаконнорожденного ребенка и потому намеренно чернит отца.

Когда Су Чэнь перевел стрелки на личный конфликт между ними и затронул при этом фигуру тяжеловесного федерального масштаба, разбирательство естественным образом зашло в тупик. Мало того, что Су Чэня больше не требовалось оставлять для допросов, его еще и со всеми почестями проводили за ворота школы.

Вскоре после того как Су Чэнь вернулся домой, с места работы примчался Су Цин. Лицо его выглядело мрачным — судя по всему, он уже знал о происшествии в школе. Однако помрачнел он вовсе не из-за слов Су Чэня, а из-за того, кто донес до него эту новость.

Гуань Цинтянь лично связался с ним по видеосвязи и, не выбирая выражений, отчитал Су Чэня последними словами, заодно пройдясь по самому Су Цину за неумение воспитывать сына. Ровно десять минут он не давал Су Цину вставить ни единого слова, после чего в ярости оборвал связь.

Су Цин как никто другой знал, что из себя представляет Гуань Цинтянь. Гнев, продемонстрированный им ранее, был искренним по меньшей мере наполовину, а пятидесяти процентов ярости этого человека хватало, чтобы сжечь его дотла — точно так же, как много лет назад. И уж тем более теперь, когда рядом был Су Чэнь.

Вернувшись домой и увидев беззаботное выражение лица Су Чэня, Су Цин приоткрыл рот, не зная, что и сказать.

— Тот мужчина связался с тобой? — с первого же взгляда догадался Су Чэнь.

— Сяо Чэнь, зачем... к чему было доходить до такого? — Су Цин наконец легко вздохнул, и на его лице залегла глубокая тень тревоги.

— Почему все эти годы ты сносил клеймо любовника и хранил обет молчания насчет вашего брачного союза? — спокойно и не меняясь в лице, спросил Су Чэнь.

Су Цин снова тяжело вздохнул и, опустив голову, промолчал.

Увидев его состояние, Су Чэнь усмехнулся краешком рта, а его голос похолодел:

— Даже если ты промолчишь, я догадаюсь: дело не в чем ином, как в нашей с тобой безопасности и жизни, в особенности — в моем будущем.

Су Цин резко поднял голову и замер, глядя на него.

Однако в этот момент Су Чэнь умолк. Он намеревался отрезать прошлое, и все остальное его не волновало, но сидевший перед ним человек все же был его родителем, подарившим ему жизнь. Нельзя было вести себя слишком жестко, приходилось считаться с его чувствами.

Поразмыслив немного, Су Чэнь поведал Су Цину обо всем, что Гуань Ло творил с ним за последние годы. Часть этих фактов он откопал в сети, часть — восстановил по другим зацепкам. Было неважно, сколько здесь правды, а сколько домыслов — главное, чтобы Су Цин понял: в школе ему угрожает реальная опасность.

В завершение Су Чэнь подытожил:

— Каких бы обещаний он ни давал тебе в прошлом, пойми: прошли десяток с лишним лет, и сын, рожденный им от другой женщины, уже вырос.

Узнав, что недавнее исчезновение было подстроено Гуань Ло, и что если бы не счастливое стечение обстоятельств и возвращение в сознание, позволившее ему самому выбраться из пещеры, его единственный сын давно превратился бы в горстку костей, Су Цин долго молчал. Лишь спустя какое-то время он закрыл лицо руками, и сквозь его пальцы быстро закапали слезы.

Когда трехдневные каникулы подошли к концу, Су Чэнь не смог вернуться в школу: ему пришло уведомление от управления образования о лишении учебных прав из-за обвинения в краже.

Это было распоряжение не школы, а самого ведомства, что означало для Су Чэня полную потерю возможности учиться в любом учебном заведении Федерации.

В этом и заключалась разница в методах и результатах между тем, кто обладает реальной властью, подобно Гуань Цинтяню, и тем, у кого ее нет, подобно Гуань Ло.

Гуань Ло мог лишь использовать общественное мнение, чтобы очернить его и принудить к подчинению, тогда как Гуань Цинтянь действовал куда проще и грубее — напрямую вмешался в дела федерального ведомства, лишив юношу права на образование.

Наказание Гуань Цинтяня на этом не заканчивалось. Хотя в Федерации для омега существовали серьезные социальные льготы, между человеком с дипломом и без него лежала пропасть.

Получение высшего образования в Федерации открывало доступ не только к богатейшим ресурсам для поиска более достойного альфы, но и давало значительную свободу выбора. И наоборот: не имеющий образования омега, да еще и исключенный из учебного заведения, зачастую скатывался до положения простого придатка при ком-то, кто обладал хоть малейшим весом в обществе.

Именно в этом и заключалась истинная месть Гуань Цинтяня: ему был не нужен спутник жизни, способный помешать его карьере, равно как и непокорный, непослушный сын.

Узнав об этом, Су Цин побледнел и долго хранил молчание. Су Чэнь успокаивал его: что бы ни предпринял Гуань Цинтянь, он не сможет помешать ему поступать по собственной воле. А пока человек способен следовать своим желаниям, ему незачем терзаться из-за любых выпавших на его долю испытаний.

Но было очевидно, что Су Цин воспринял эти слова лишь как утешение.

С тех пор Су Чэнь целиком посвятил себя созданию фармацевтических препаратов. При этом он не слебовал слепо существующим рецептам, а постоянно усовершенствовал их. Эффект от его улучшенных зелий многократно превосходил оригиналы, и не прошло и полугода, как лекарства Су Чэня приобрели известность на черном рынке. Столь же популярной, как и его препараты, стала таинственная личность самого алхимика.

Создавая зелья, Су Чэнь особо не скрывался от Су Цина — отчасти и для того, чтобы хоть немного успокоить его душу. Узнав, что сын самостоятельно осваивает фармацию, Су Цин стал работать с удвоенным усердием. Изготовление лекарств было дорогим увлечением, а лишившись бесплатных школьных материалов, все сырье приходилось покупать за свой счет. Желая поддержать сына, он изо всех сил старался заработать денег.

Однако в тот день, когда Су Чэнь протянул ему черную карту, и Су Цин проверил баланс, насчитавший круглую сумму с шестью нулями, он надолго онемел, застыв в полном оцепенении.

Су Чэнь не стал скрывать, что эти деньги получены от продажи лекарств. Помолчав добрую половину дня, Су Цин в конце концов так и не произнес ни единого слова возражения.

<http://bllate.org/book/22138/2306561>